

Т. Р. БЕРНС

ГНИЛОЕ ЯБЛОЧКО

*Смешнее
Мэтта Хейга.*

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

*Захватывающе,
стремительно,
смешно.*

Publishers Weekly

Т. Р. Бернс

Гнилое яблочко

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444526*

Гнилое яблочко: АСТ; М.: 2013

ISBN 978-5-17-080275-3

Аннотация

12-летний Симус Хинкль – примерный мальчик, послушный сын и школьный отличник. Единственная его слабость – хрустящие рыбные палочки. При виде них он решительно теряет волю. Однажды, когда злейший конкурент Бартоломью Джон лишает его любимого лакомства, Симус теряет терпение. Он хватает со стола яблоко и запускает им во врага. А попадает в учительницу математики мисс Парципанни. Неудачный бросок оказывается роковым. Симус отправляется в специальное заведение для трудных подростков – и неожиданно оказывается в школе, где готовят профессиональных хулиганов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	43
Глава 6	56
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Т.Р. Бернс

Гнилое яблочко

Посвящается Ребекке

Глава 1

Каждый вторник, в День рыбных палочек, ровно в 11:17, на уроке математики, я поднимаю руку и делаю очень важное объявление.

– Симус Хинкль, – произносит мистер Макгилл, разглядывая меня поверх своих пыльных очков, – чем обязан?

– Мне нужно в уборную, – говорю я.

– А мне нужно навсегда уехать в отпуск на тропический остров. Такая возможность предусмотрена?

Так мистер Макгилл представляет себе шутку. Не плохо для учителя математики, который забавы ради запомнил наизусть число «пи».

– Урок почти окончен, – продолжает он. – Не трудитесь возвращаться.

А так я представляю себе идеальный ответ. Макгилл, как и мои одноклассники, кажется, не вспоминает, что точно такой же диалог происходил между нами уже много раз. Иногда мне кажется, что было бы неплохо стать более запомина-

ющейсЯ личностью, но во вторник утром, если тебя никто не помнит, это только на руку.

Все идет без сучка без задоринки неделю за неделей, пока мы не узнаем, что мистер Макгилл принимал ванну и уронил в воду свой калькулятор. Судя по электронному письму, которое приходит всем ученикам, калькулятор больше не умножает и Макгилл берет выходной, чтобы его починить.

И к нам на замену приходит учительница.

Ее зовут мисс Парципанни. У нее кудрявые светлые волосы, большие голубые глаза и тяжелый случай нервного перевозбуждения. К 10:45 она роняет и ломает восемь кусков мела. В 10:57 она хлопает одной тряпкой о другую, чтобы их почистить, и чуть не задыхается в густом белом облаке. В 11:09 она просит помочь ей настроить проектор и, когда не находится ни одного желающего, зажимает пальцами переносицу, чтобы не расплакаться.

Мне жалко ее, но я не могу не попробовать извлечь выгоду из ее состояния. В День рыбных палочек каждая секунда на счету, так что в 11:15 – на две минуты раньше обычного – я поднимаю руку.

– О. – При виде меня мисс Парципанни хватается за край доски, будто боится упасть. – У тебя есть вопрос?

– Мне нужно в уборную, – говорю я.

– Но до конца урока, – она перерывает стопку бумаг, большая часть из которых ускользает из ее пальцев и падает на

пол, – всего семь минут.

Я беру рюкзак и начинаю собираться.

– Не беспокойтесь, я пойду на ланч прямо оттуда.

– Нет, не пойдешь.

Я замираю. Мисс Парципанни широко распахнула глаза и смотрит на меня, приоткрыв рот. Мне кажется, что ее сейчас стошнит в корзину для бумаг мистера Макгилла, но мисс Парципанни расслабляется и закрывает рот.

– Ты не пойдешь, – повторяет она, на этот раз более твердо.

– Но я всегда так делаю. Каждый вторник в это самое время.

Она нахмуривается:

– Тебе надо посещать уборную каждый вторник в одно и то же время?

Я понимаю, что это звучит действительно странно, если задуматься.

– И правда, – говорит тихий голос позади меня. – С чего бы это?

– Он малыш, описается еще, – произносит другой голос, и класс наполняется шепотом и смешками.

Я знаю эти голоса. Они принадлежат тем самым мальчишкам, которых я стараюсь опередить.

– Пожалуйста, – я чувствую, как мое лицо краснеет, – мне действительно надо идти.

– Ну прости. Если ты ждал так долго, можешь подождать

еще несколько минут.

Мне, как всегда, чертовски везет. Похоже, сказать «нет» — единственное, в чем мисс Парципанни ощущает себя компетентной.

Я стою, не понимая, что делать. Часть меня хочет рвануть к двери, но другая часть, более сильная, приковывает меня к полу.

Поэтому я сажусь обратно на стул. Смотрю, как секундная стрелка описывает круг на циферблате настенных часов. В 11 часов 19 минут 45 секунд я закидываю рюкзак на плечи и застываю в низком старте возле своей парты, выставив ногу в проход.

Звенит звонок. Я срываюсь с места — и тут же застреваю в толпе девчонок. Я поворачиваю налево, но девчонка слева перекидывает волосы через плечо, и они хлещут меня по глазам. Я поворачиваю направо, но девчонка справа набирает эсэмэс и загораживает собой узкий проход возле стены. Я пытаюсь протиснуться по центру, но девчонки тесно сбились в кучку, как будто зацепились друг за друга своими сверкающими ремнями и серебристыми кольцами в ушах.

Наконец девчачья стайка неспешно сворачивает во внутренний дворик, и я стремглав бросаюсь мимо. Я бегу так быстро, как только могу, но коридор переполнен. К тому времени, как в поле зрения показывается буфет, уже 11:25, и я на четыре минуты отклоняюсь от расписания.

Я врываюсь в дверь и резко торможу. Все даже хуже, чем

я боялся. В очереди стоит по меньшей мере тридцать ребят – тридцать человек, которых я должен был опередить. Вот почему я каждый вторник ухожу пораньше с математики – чтобы получить фору.

И замыкает колонну мой злейший враг, мой непримиримый противник, мой самый страшный кошмар – по крайней мере, в ночь на вторник.

Бартоломью Джон.

Он сочетает в себе все, чего у меня нет. Высокий. Сильный. Способный при довольно скудном словарном запасе разрешить переговорами любой спор. В целом мире есть всего одна вещь, которая объединяет меня с Бартоломью Джоном.

Рыбные палочки.

И не просто какие-нибудь рыбные палочки. Те самые рыбные палочки, которые готовят леди Лоррэйн и работники столовой в средней школе Клаудвью, хрустящие снаружи, слоистые внутри и с послевкусием, которое длится несколько суток.

– Хочешь подъемник? – спрашивает Алекс Ортис, дружок Бартоломью Джона, когда я встаю позади них. Он кладет одну руку на другую ладонями вверх и приседает.

– Или ракетную установку? – не оборачиваясь, бросает Бартоломью Джон.

Все это время я стоял на цыпочках, пытаюсь разглядеть, что творится впереди, и теперь опускаюсь на пятки. Я не от-

вечаю им. Они от меня этого и не ждут. Все мы знаем, что суть не в этом.

Путь до буфетной стойки занимает одиннадцать изнуряющих минут. Я стараюсь расслабиться, принохиваясь к успокаивающим ароматам соленого и жирного, но это только напоминает мне о том, чего я, скорее всего, лишусь.

– Сегодня день рыбных палочек? – громко спрашивает Бартоломыю Джон, когда подходит его очередь. – Алекс, ты знал, что вторник – день рыбных палочек?

– Не-а. Какой неожиданный сюрприз!

Этот разговор затеян ради меня. Несколько недель назад, в начале года, случилось неприятное происшествие: Бартоломыю Джон наполнял свою тарелку последними рыбными палочками, и я попытался стянуть несколько штук с его подноса. Тогда Бартоломыю Джон поднял невероятную шумиху (что было очень в его духе): пожаловался леди Лоррэйн, дежурным по столовой и даже директору на то, что я появился откуда ни возьмись и отпихнул Бартоломыю, чтобы стащить его еду. Для пущей жалости он добавил, что его семья не может позволить себе ходить в кафе и он специально откладывал свои скудные карманные деньги, чтобы угоститься ланчем из буфета.

Ничего, что если бы я попытался отпихнуть его, то меня отбросило бы на пол с огромной силой? Ничего, что родители Бартоломыю юристы? Из-за его вранья мне пришлось впервые в жизни остаться в школе после уроков. Единствен-

ная хорошая новость состояла в том, что Бартоломью Джон, похоже, забыл об этой истории. Так было до сегодняшнего дня.

Черт бы побрал эту мисс Парципанни!

– Эта порция – просто пальчики оближешь, – говорит леди Лоррэйн, вороша лопаткой палочки на подносе. – Отвлеклась на крысу размером со штат Техас и забыла, что они у меня на огне.

– Просто фантастика! – Бартоломью Джон набрасывается на палочки, которые леди Лоррэйн сгребает ему на тарелку, и запихивает их в рот.

У меня прямо сердце сжимается, когда она накладывает ему еще порцию, и еще, и еще. Бартоломью Джон опустошает тарелку с той же скоростью, с какой леди Лоррэйн ее наполняет. Мне удастся сдерживать панику – до тех пор, пока не становится видно блестящее от жира дно подноса. Тогда меня бросает в жар – как будто меня самого засунули во фритюрницу леди Лоррэйн.

– Там еще осталось, – замечает она, сгребая с подноса последнюю палочку.

Я обмахиваюсь пачкой салфеток, как веером. Бартоломью Джон рыгает. Это не слишком-то вежливо, но внушает надежду: мой опыт говорит, что, какими бы восхитительными ни были рыбные палочки, человеческий желудок все равно может вместить какое-то конечное их количество.

– В следующий раз будут только через неделю. – Леди

Лоррейн ставит на стойку новый поднос.

– Она толстая?

Я отрываю взгляд от рыбных палочек и смотрю на Алекса, который показывает пальцем в угол кухни.

– Волосатая? – продолжает он. – С хвостом, огромным, как лассо?

– Именно так, – мрачно отвечает леди Лоррэйн. Она срысывает с головы сеточку для волос, хватается лопатку и поворачивается.

На секунду я и вправду верю, что Алекс увидел крысу. Я так поглощен зрелищем, как леди Лоррэйн подкрадывается к пустому углу, что едва не упускаю из вида выходку Бартоломью Джона.

Он берет пакет молока. Открывает. И выливает содержимое на оставшиеся рыбные палочки.

– Кальций. – Он сжимает пустой пакет в кулаке и швыряет мне на поднос. – Поможет тебе подрасти.

Я молча смотрю на пакет из-под молока. Мне хочется запустить им в Бартоломью Джона, но я понимаю, что это ничем хорошим не кончится. Вместо этого ядвигаю свой поднос дальше, мимо промокших рыбных палочек, и беру единственное, что мне остается: салат и яблоко.

В буфете я сажусь за пустой столик в дальнем конце зала. Достая из рюкзака блокнот и карандаш, отодвигаю в сторону поднос и принимаюсь за список.

Как отомстить за рыбные палочки:

1) Написать список...

Продвинуться дальше мне не удастся: отвлекает шум на другом конце столовой. Бартоломыю Джон и Алекс стоят в нескольких сантиметрах от трех парней из школьной футбольной команды. Все они кричат одновременно, так что я не могу разобрать, из-за чего весь сыр-бор, но вижу, как Бартоломыю Джон толкает капитана команды и тот дает ему сдачи. Кулаки так и мелькают в воздухе, и со всей столовой на драку сбегаются ученики и учителя.

Вот хулиганы, думаю я. Надеюсь, что Бартоломыю Джон получит по заслугам, я взбираюсь на стул, чтобы лучше видеть.

И тут я замечаю ее. Мисс Парципанни. Она продирается сквозь толпу.

Она собирается их остановить. Ей удалось сказать мне «нет», и теперь она думает, что сможет прекратить драку, в которую даже самые сильные учителя-мужчины не решаются вмешаться.

Обычно я все как следует обдумываю, прежде чем действовать, но сейчас на это нет времени. Не сводя глаз с Бартоломыю Джона, я хватаю с подноса яблоко, замахииваюсь и швыряю его что есть сил.

Его полет длится всего секунду.

И мисс Парципанни падает на пол.

Глава 2

Я убил ее.

Некоторые говорят, что это была случайность. Они говорят, что я не хотел этого сделать, что я был напуган и просто пытался помочь. Возможно, это правда. Но правда также и в том, что мисс Парципанни, которая заменяла учителя математики в течение четырех часов тринадцати минут, была живой во время классного часа и умерла к ланчу.

Из-за меня.

Вот поэтому сейчас, не успело пройти и недели, мама, папа и я едем на север – далеко на север, практически в гости к Санта-Клаусу с его оленями, – в Академию Килтер для трудных подростков.

– Как ты там на заднем сиденье, парень? – спрашивает папа. – Нужно что-нибудь?

– Элиот, – отзывается мама, – пожалуйста, следи за дорогой.

– Джуди, я слежу. Я просто хотел узнать, не нужно ли Симусу...

– Симусу нужно вовремя приехать. А мне нужно, чтобы ты обращал внимание на дорожные знаки и мы не пропустили поворот.

Папа откидывается на пассажирском сиденье. Я знаю, что он пытается поймать мой взгляд в зеркале заднего вида, но я

смотрю в окно. Сочувствие – это последнее, что мне сейчас нужно.

Лес вокруг становится все выше и гуще. Здания пропадают из виду. Ровная прямая дорога превращается в крутую и извилистую. У меня закладывает уши, и шуршание шин по асфальту становится приглушенным. Я зажимаю пальцами нос, готовясь высморкаться, но краем глаза замечаю, как мама недовольно поджимает губы, и передумываю.

Чем выше мы поднимаемся, тем тяжелее. Кажется, что две огромные руки обхватили мою голову и словно обмотали ее мокрым полотенцем. Перед глазами мелькают пятна – сначала белые, потом красные.

Наконец машина, дергаясь, притормаживает. В ушах раздается хлопок. Пятна исчезают.

– Просыпайся, тихий час окончен.

Я открываю глаза. Мама стоит возле дверцы. За ее спиной я вижу забор с колючей проволокой. За забором – серое кирпичное здание без окон.

Мы приехали.

Мама направляется к воротам, я натягиваю ботинки и собираю свои книжки.

– Тут так тихо. – Я выбираюсь из машины.

– Думаю, здесь неплохо. – Папа подходит ко мне и кладет руку мне на голову. – Мирно. Спокойно.

Секунду мы стоим неподвижно, вслушиваясь. Школа окружена лесом, но он не издает ни единого звука. Листья

не шелестят, птицы не поют, даже в воздухе нет никакого движения. Не видно ни одной машины, кроме нашей. Я уже собираюсь спросить, нет ли здесь какой-то ошибки – может быть, существует другая Академия Килтер для трудных подростков, поближе к торговым центрам, заправкам и прочим признакам цивилизации, – когда ворота со скрипом открываются.

Папина рука, которая все еще лежит у меня на голове, держится.

– Все хорошо, – вру я. – Со мной все будет в порядке.

Мама уже прошла полпути от машины к воротам, и я бегом нагоняю ее. По дороге я разглядываю желтую траву, лужи грязи и белесое небо. Растираю руки; интересно, эти мурашки – от холода или от волнения? Дома было плюс пятнадцать и солнечно, типичный осенний день. Здешняя погода больше напоминает раннюю весну: земля уже оттаяла, но все еще сжимается в ожидании выюги. На улице так неуютно, что мне почти хочется зайти внутрь.

Почти.

– Запомни, – говорит мама, когда я ее догоняю, – это самое лучшее место. Ты будешь делать то, что тебе говорят. Все ясно?

– Да, – отвечаю я. Мне приходится бежать трусцой, чтобы не отставать от нее. – Обещаю, что...

– Обещаешь? – раздается громовой голос откуда-то сверху.

Мама резко останавливается. Мне приходится вильнуть в сторону, чтобы избежать столкновения.

– Тебе не кажется, что уже поздно для обещаний?

Я смотрю на закрытые серые двери, потом гляжу через плечо. Кто бы с нами ни разговаривал, он где-то поблизости – голос звучит прямо в ушах... Но рядом никого нет.

– В Академии Килтер для трудных подростков, – продолжает голос, – мы все видим и все слышим. Думаю, вам стоит иметь это в виду.

– Скрытые камеры, – мама кивает в сторону маленькой черной коробочки над дверьми. – Ну конечно.

Она машет рукой в камеру и взбегает по лестнице. Я слеую за ней, но чувствую, что мои ноги вдруг потяжелели. Я успеваю одолеть только две ступеньки, когда открывается серая дверь и на пороге появляется женщина.

По крайней мере, мне кажется, что это женщина. Если смотреть от шеи и ниже, она гораздо больше напоминает мужчину, чем все женщины – и большинство мужчин, – которых мне приходилось видеть. На ней темно-зеленые штаны, такого же цвета рубашка с длинными рукавами, застегнутая под самое горло, и черные кожаные ботинки, так туго зашнурованные, что у меня при взгляде на них начинает пульсировать в ногах. У нее-то с ногами, наверное, все в порядке – они большие и накачанные, как и ее бицепсы, плечи и даже запястья. Форма, судя по всему, сделана из спандекса – иначе мускулы разорвали бы ее на лоскуты при первом

же движении. Не удивлюсь, если кожа у этой женщины тоже зеленая.

– Если вы ждете письменного приглашения, вам придется прождать очень, очень долго. – Ее голос, который только что раздавался над нашим ухом, тоже звучит по-мужски.

– Это мисс Килтер, – говорит мама, когда я наконец добираюсь до верхней ступеньки.

– Очень приятно, – бормочу я. К нам подходит папа. Он идет медленно, волоча мою спортивную сумку. Когда добирается до верхней ступеньки, он вытирает пот со лба и глубоко вздыхает.

– Как здорово у вас тут все устроено, – замечает он, словно серое здание – это особняк Викторианской эпохи, а планшет в руках у мисс Килтер – поднос с черничными кексами.

От волнения я не могу двигаться, так что жду, пока папа подойдет поближе, и протягиваю руку, чтобы взять у него сумку.

Мы гуськом проходим внутрь. Фойе похоже на приемную моего ортодонта – разве что здесь нет растений, журналов и аквариума с рыбками. Диванов и стульев тут тоже нет; из мебели только маленький деревянный стол посреди комнаты и пустая вешалка.

В другом конце фойе я вижу закрытую дверь без таблички. Именно за такими дверями происходят ужасные вещи – установка брекетов, зондирование, все виды пыток.

– Личное имущество, – рявкает мисс Килтер.

Я опускаю глаза. Луч солнца, проникший сюда из входной двери, которая все еще открыта, освещает железный контейнер.

– Твои вещи, – подсказывает мама. – Их надо просканировать.

Просканировать. Поискать ножи, оружие, бомбы. Именно такие штуки носят с собой криминальные элементы вроде меня – так же, как обычные люди носят мобильники и жвачку с ментолом.

Я кладу рюкзак и спортивную сумку в контейнер. Хочу спросить, получу ли я их обратно, но не спрашиваю.

Мисс Килтер поднимает контейнер одной рукой и вскидывает себе на плечо, как будто он набит перьями. Она пересекает комнату, выдвигает из стены ящик и кидает туда контейнер. Через пару секунд раздается громкий металлический лязг.

– Пойдет. – Движением ноги она задвигает ящик обратно. – Вам нужно рассказать, как выбраться обратно на шоссе?

– Это все?

Мисс Килтер оборачивается ко мне и приподнимает брови.

– Простите, пожалуйста. – Я чувствую, как кровь отливает от лица. – Мы просто пробыли тут всего пять минут и...

Что насчет обзорной экскурсии? Ланча? Возни с документами, наконец?

– Это не летний лагерь, – напоминает мама. – Если хочешь, чтобы с тобой обращались как с хорошим ребенком, тебе стоило вести себя соответствующе.

Она говорила так и раньше – например, когда мне запретили смотреть телевизор из-за того, что я три дня подряд не заправлял постель. Или когда она спрятала от меня компьютерные игры, в которые я играл целыми ночами и потом клевал носом за завтраком. Но сейчас это прозвучало по-другому. Это было словно удар кулаком в живот. Поэтому я опускаю глаза и сосредотачиваюсь на собственном дыхании.

– Не беспокойтесь, миссис Хинкль. К тому времени, когда мы с ним закончим, ваш сын будет вести себя так хорошо, что вы усомнитесь, тот ли это мальчик, которого вы сюда привели.

Словно в подтверждение своих слов, мисс

Килтер хлопает себя по поясу, где с широкого кожаного ремня свешиваются наручники и кобура.

– Я не беспокоюсь. – Мама выдавливает улыбку. – Теперь уже нет.

Она поворачивается ко мне. Я стараюсь посмотреть ей в глаза, но не могу. Я гляжу на пол, вижу носки ее туфель возле моих кроссовок и чувствую облегчение. Она хочет обнять меня. Да, она сердита, и расстроена, и разочарована. Да, она хочет оставить меня здесь одного на три месяца. Но она все равно любит меня. Она не перестала в меня верить. Мы пройдем через это и снова будем семьей – может, даже более

дружной, чем раньше.

Мама наклоняется ко мне – так близко, что я чувствую запах кофе, который она выпила сегодня утром.

– Сделай так, чтобы я гордилась тобой, Симус, – еле слышно шепчет она и долго, крепко меня обнимает.

Я открываю рот, чтобы сказать, что обещаю постараться, но она исчезает за дверью раньше, чем мне удастся подобрать слова.

– Держись, парень. – Папа обхватывает меня руками и прижимает к себе. У него трясется живот, и я чувствую, что папа сдерживает слезы. – И помни, что я всегда говорю. Если кто-то плохо себя ведет...

Он замолкает, и теперь я тоже борюсь со слезами. Потому что папа всегда говорит – точнее, всегда говорил – вот что: «Если кто-то плохо себя ведет, убей его не слишком жестоко». Но он больше не может так сказать.

Мама зовет его снаружи. Он зарывается лицом мне в волосы, целует меня в макушку и отпускает.

Я смотрю, как он уходит – пятно цвета хаки с вкраплениями желтой клетчатой ткани. Он закрывает за собой дверь, стараясь больше на меня не смотреть.

Дверь защелкивается. Солнечный свет пропадает. Через минуту я слышу, как заводится машина.

Это была случайность.

Конечно, это была именно она. Я отлично представляю себе всю сцену – мелькают кулаки, скользят подносы, мисс

Парципанни падает, обеими руками схватившись за голову. Это была ужасная, трагическая случайность, и все это поймут, если я объясню. Все простят меня, стоит только извиниться.

– Простите, – шепчу я.

Мои ноги сами собой начинают двигаться.

– Простите! – говорю я уже громче.

Мои ноги двигаются быстрее. Вскоре я уже бегу, мчусь со всех сил, распахиваю дверь.

– Простите!

Машина уже съехала с обочины. У меня перехватывает дыхание, когда задние фары мигают красным. Я выхожу за ворота – и меня тут же резко тянут назад.

– На твоём месте я бы этого не делала, – тихо говорит мисс Килтер у меня над ухом.

Хороший совет.

Особенно с учетом того, что она приставила мне к затылку пистолет.

Глава 3

Штрафных очков: 110

Золотых звездочек: 45

– Пожалуйста, не стреляйте. Я сделаю все, что скажете, обещаю.

– Опять это слово. – Она прижимает дуло пистолета к моей голове. – Помаши им.

– Что?

– Помаши своим родителям. Они не уедут, если не будут уверены, что все в порядке. Дай им эту уверенность.

Не хочется врать, но у меня не то чтобы есть выбор. Стараюсь, чтобы у меня не дрожал подбородок, я поднимаю руку. Пальцы даже не успевают распрямиться, а фары уже тускнеют, и машина устремляется вниз по подъездной дорожке.

– Хорошо. – Мисс Килтер опускает пистолет и отпускает мою руку. – Пить хочешь?

Теперь ее голос звучит иначе – не так грозно. Я медленно поворачиваюсь, опасаясь, что это ловушка, рассчитанная на то, чтобы усыпить мою бдительность. Мне становится еще страшнее, когда мисс Килтер улыбается – и направляет пистолет себе в рот.

– Не надо!

Я бросаюсь к пистолету, но она успевает спустить курок.

Из ствола ей в горло ударяет струя воды.

– В тебя стрельнуть? – спрашивает она.

Я отступаю на несколько шагов и перевожу взгляд с пистолета на нее.

– Нет, спасибо.

Я едва слышу свой собственный голос – так сильно кровь стучит у меня в ушах.

– Вежливый, – кивает она. – В точности как говорил твой папа.

Мисс Килтер разворачивается и уходит, оставляя меня одного в дверях. Очевидно, я должен последовать за ней... но почему она перед этим не закрыла дверь на ключ? Она уже дошла до середины комнаты и ни разу не обернулась. Сбежать будет несложно.

Но двор наверняка заминирован. Стоит ступить наружу, как мне оторвет ногу гранатой. И вокруг наверняка притаилась сотня охранников, готовых броситься на меня, как только я сделаю неверное движение. Неудивительно, что маме удалось спасти меня от колонии для несовершеннолетних преступников – она, видимо, пообещала, что отправит меня в еще менее приятное местечко.

– Пошли?

Я закрываю тяжелые двери и поворачиваюсь к ним спиной. Когда мои глаза привыкают к тусклому свету маленькой настольной лампы, я вижу возле двери в другом конце комнаты мисс Килтер – и мне нужно время, чтобы убедиться,

что это точно она. Вместо почти что военной формы на ней теперь белые легинсы, а сверху – что-то длинное и серое, то ли платье, то ли рубашка. Вместо черных ботинок – блестящие серебристые балетки. Темные волосы, раньше стянутые в тугую пучок, теперь распущены по плечам.

– Да, мисс Килтер, – осторожно говорю я, все еще не вполне уверенный.

Она улыбается.

– Звучит очень официально. Может, будешь звать меня по имени?

Разве не всем взрослым нравится, когда их называют по фамилии с приставкой «мистер», «миссис» или «мисс»? Должно быть, это очередной трюк мисс Килтер, чтобы отвлечь мое внимание и заманить в ловушку.

– Все хорошо, Симус. – Она выходит в центр комнаты и протягивает руку. – Меня зовут Анника. Приятно познакомиться.

Я оглядываю комнату, не поворачивая головы, ожидая, что сейчас кто-то огромный, сильный и вооруженный кое-чем пострашнее водяного пистолета выпрыгнет из темного угла и закричит: «Попался!»

Но никто не выпрыгивает. Поэтому я шаркающей походкой подхожу к Аннике ижимаю ей руку. Рука теплая и мягкая.

– Хочешь посмотреть свою комнату? – спрашивает Анника. Не дожидаясь ответа, она возвращается к дальней двери

и встает рядом с ней.

Я захожу в дверь и останавливаюсь как вкопанный.

– Кажется, я попал куда-то не туда.

– На самом деле ты попал именно туда, куда надо, – отзывается Анника.

Она, наверное, с кем-то меня путает. Я должен был оказаться в месте вроде вестибюля Академии Килтер, только меньше, темнее, без мебели и без единого выхода. Но по другую сторону двери растет пышная зеленая трава. Там цветы. Фонтаны и статуи. Вымощенная камнем дорожка вьется к другому зданию, которое наполовину скрыто за цветущими лозами.

– Это чтобы напомнить мне, чего я буду лишен в заключении? – спрашиваю я.

– Твой папа говорил, что ты вежливый, но не говорил, что ты остряк, – улыбается она и ступает на каменную дорожку.

Я спешу последовать за ней. Страх частично уступает место любопытству. Дорожка длинная, и здание, к которому она ведет, находится дальше, чем мне сперва показалось. Так что у меня хватает времени, чтобы заметить различия между этим местом и двором перед школой – например, воздух здесь теплее, а над головой щебечут птички. Интересно, мама пропустила это место в видеоролике об Академии Килтер? Наверняка, иначе она бы меня сюда не отправила.

Мы срезаем путь через сад и входим в новое здание с окнами во всю стену. Анника ведет меня по коридору.

– Это Адреналиновый павильон, – сообщает она.

Я гляжу туда, куда она показывает, и вижу в окно бассейн, баскетбольную, волейбольную и бейсбольную площадки, беговую дорожку и огромные деревянные лестницы и перекиды. Все это пусто.

– Это медиазал.

Мы проходим через огромную комнату со стеклянными стенами, и я замедляю шаг. Внутри я вижу высокие шкафы, забитые дисками, огромный телевизор с плоским экраном... и моих собратьев-преступников, развалившихся на диванах и креслах. Они молча глядят в телевизор, замороженные видом того, как почти двухметровый Фродо куда-то бежит по экрану.

– Ты со всеми познакомишься за ужином, – окликает меня Анника.

У меня холодеет в животе. Приятно узнать, что я не один, но вряд ли я буду заводить здесь друзей. Кто знает, почему эти ребята сюда попали?

– Кстати, об ужине, – говорит Анника, когда я ее нагоняю. – Как насчет рыбных палочек?

– Простите, что?

– Рыбные палочки. – Она останавливается перед светло-зеленой дверью. – Хрустящие снаружи, слоистые внутри. С послевкусием, которое длится несколько суток. Это же твои любимые, так?

Мое сердце начинает бешено колотиться. Ну конечно. Те-

перь все ясно. Почему я избежал колонии. Почему мама с папой так быстро уехали. Почему здесь красивый сад, восхитительная спортплощадка, «Властелин колец» больше чем в натуральную величину. И рыбные палочки.

Есть только одно условие, при котором в подобном месте убийце готовят его любимый ужин.

Если это его последний ужин.

– О, здорово, Лимон на месте, – жизнерадостно сообщает Анника.

Она стучит в светло-зеленую дверь. Когда та открывается, я понимаю, что низкий пульсирующий звук, от которого под ногами дрожит пол, исходит вовсе не из моей груди, а из двух небольших круглых динамиков.

– Добро пожаловать домой!

По крайней мере, мне кажется, что она говорит именно это. Музыка – если так можно назвать грохот барабанов и визг синтезатора – настолько громкая, что мне приходится читать по губам.

Она говорит что-то еще, но я перестаю смотреть на нее и оглядываюсь по сторонам. Эта комната в два раза больше, чем моя собственная, стены здесь такого же цвета, как и дверь, а на деревянном полу лежит кремовый коврик. Высокое окно выходит на поле. В комнате стоят кровати, шкафчики и столы – всего по два. За одним из столов спиной к нам сидит мальчик.

– Лимон, – произносит Анника, показывая на него.

Мальчик склонил голову, будто что-то сосредоточенно читает или пишет. Он не обращает на нас внимания. Возможно, он даже не заметил, что мы вошли, потому что динамики грохочут у него под самым локтем. Анника подходит к нему, заглядывает ему через плечо и одобрительно улыбается. Она показывает на меня и произносит мое имя. Его голова слегка приподнимается... и поворачивается обратно.

Анника возвращается ко мне, не переставая улыбаться. Она приставляет ко рту воображаемую вилку и делает вид, будто ест, потом показывает мне шесть пальцев.

Видимо, мой последний ужин состоится в шесть часов.

Она уходит, и я не понимаю, что мне делать дальше. Мои сумка и рюкзак лежат на одной из кроватей, но что толку их разбирать? «Братство кольца» – мой любимый фильм, но зачем его смотреть? Единственное, чего бы мне хотелось, – поговорить с родителями и в последний раз попросить у них прощения, но, наверное, они не захотели бы меня слушать.

Комнату как будто окутывает туман. Я думаю, что сейчас потеряю сознание от волнения, и опускаюсь на кровать... но тут я чувствую запах.

Запах дыма.

Дымится что-то на столе у Лимона. Дым поднимается к потолку белыми завитками и быстро становится серым, а потом черным.

Лимон по-прежнему сидит со склоненной головой, но его плечи поднимаются и опускаются.

Может быть, он заснул? Папа любит разгадывать кроссворды в воскресной газете при свечах – чтобы создать атмосферу. Возможно, Лимон писал при свече и случайно опрокинул ее, когда...

– Что ты делаешь?! – вскрикиваю я.

Теперь, когда я подошел поближе, я точно знаю, чего Лимон не делает: он не спит. Он раздувает маленький костер, который разгорается у него на столе.

В углу стоит кулер с водой. Я бросаюсь к нему, наполняю два стаканчика и возвращаюсь к столу. В промежутках между ударами барабанов я слышу шипение гаснущего пламени.

Лимон откидывается на стуле. Он смотрит на мокрую черную кучу у себя на столе, а затем медленно поднимает глаза.

Он примерно моего возраста, с лохматыми каштановыми волосами и прыщами на кончике носа. Трудно сказать, рассердился ли он: кажется, уголки глаз и губ у него от природы опущены, так что в первую очередь он выглядит грустным.

– Прости, – говорю я, сам не зная почему.

Он не отвечает. Вместо этого он берет серебряную зажигалку из обувной коробки, где лежат разнообразные приспособления для разжигания костра – спичечные коробки, бутылки с горючим, хворост, – и щелкает. Появляется маленький язычок пламени, который Лимон подносит к нетронутomu листку бумаги на столе. Через несколько мгновений бумага пузырится и с хлопком сгорает, рассыпая крошечные оранжевые искры.

Я мчусь к двери. При обычных обстоятельствах я бы не побежал ябедничать – или побежал, не знаю. В любом случае, это не обычные обстоятельства. То, что я сегодня умру, не значит, что все остальные должны умереть вместе со мной.

– Анника!

Она стоит в коридоре и уже подняла руку, чтобы постучать в дверь. В другой руке она держит стеклянную пепельницу.

– Ты не передашь это Лимону? – выкрикивает она с улыбкой.

– Но...

– Спасибо! – Она вручает мне пепельницу и быстро удаляется по коридору. – Встретимся за ужином!

Ошеломленный, я стою и смотрю, как она уходит.

Ученикам Академии Килтер сегодня вечером стоит рассчитывать на шашлык.

Глава 4

Без пятнадцати шесть я закрываю комикс, который уже три часа пытаюсь начать читать. Встаю с кровати и надеваю ботинки. Аккуратно зачесываю волосы набок – так, как нравится маме. Потом, не желая идти на ужин в одиночестве – как будто, если у меня будет компания, это что-то изменит, – я поворачиваюсь к Лимону.

Пламя уже давно выдохлось, но он все еще сидит за столом. Его голова покоится на закрытой обувной коробке, а руки безжизненно болтаются вдоль туловища. Я беспокоился бы, что он наглотался дыма и задохнулся, если бы его спина слегка не приподнималась каждые несколько секунд.

Стоит ли его будить? Может, он разозлится и начнет метать в меня огненные шары? Или подожжет мне волосы спичкой?

На всякий случай я подхожу к кулеру и наполняю два стаканчика водой. Тут мой взгляд падает на маленький столик по соседству. На нем лежит черная телефонная трубка.

Я облегченно вздыхаю. Ставлю на стол стаканчики, беру вместо них телефон, убедившись, что Лимон не видит, и бегу в кладовку. Втиснувшись между футболками и свитерами, от которых несет гарью и бензином, я закрываю дверцу. У этого телефона только одна большая кнопка, на которой написано «вызов», и я ее нажимаю.

– Это был несчастный случай, – шепчу я. – Недоразумение. Я бы никогда...

– Спасибо, что позвонили на горячую линию для горячих голов. Куда мне направить ваш вызов?

Спустя секунду я понимаю, что со мной говорит незнакомый женский голос.

– Простите, на какую горячую линию?

– На горячую линию для горячих голов. Вы хотели бы сообщить о краже?

– Нет.

– О бомбе-вонючке?

– Нет.

– Об обмане?

Я делаю паузу. То, что я убил мисс Парципанни, – это правда. То, что я хотел ее убить, – неправда. Она это имеет в виду? Прежде чем я успеваю спросить, снаружи раздается громкий стук. Половицы подо мной ходят ходуном.

– Я перезвоню, – говорю я и отключаюсь.

– Она сейчас взорвется!

Я распахиваю дверь. Лимон стоит посреди комнаты. Он тяжело дышит, глаза вытаращены, взгляд устремлен в пустоту. Стул, на котором он сидел, упал набок. Прежде чем я успеваю сообразить, что происходит, он кидается к кулеру и обхватывает его обеими руками.

– Не подходите! – кричит он. – Оставайтесь на своих местах, и никто не пострадает!

Кулер большой – и тяжелый. Лимон поднимает огромную прозрачную бутылку и, отрывая ее от пола, отклоняется назад под ее весом, чтобы вода не хлынула во все стороны. Пока он старается удержаться на ногах, я хватаю со стола один из полных стаканчиков и выплескиваю его содержимое Лимону в лицо.

Он замирает. Моргает. Ставит бутылку на место.

– Круто, – говорит он.

– Прости. – Я смотрю на пустой стаканчик у себя в руках, как будто именно он, а вовсе не я, виноват в том, что у Лимона по подбородку стекает вода. – Мне показалось, что ты не в себе. Как будто тебе приснился кошмар.

Некоторое время он молчит.

– Я что-нибудь говорил?

– Кажется, что-то насчет того, чтобы все оставались на своих местах.

Его подбородок, с которого до сих пор капает вода, падает на грудь. Я морально готовлюсь услышать крики, но Лимон просто трясет головой и взъерошивает мокрые волосы. Он выпрямляется, засовывает ноги в поношенные замшевые мокасины и направляется к выходу.

Я вижу, как за ним закрывается дверь. В следующую секунду она снова распаивается. Рука, которая ее поддерживает, вся в шрамах и волдырях.

Я кладу телефон на место, еще раз гляжу на себя в зеркало и протискиваюсь в узкую щель между дверью и косяком. Я

такого маленького роста, что могу пройти под рукой Лимона, даже не наклоняясь.

– Меня, кстати, зовут Симус. – Я никогда раньше не протягивал руки, когда здоровался с кем-то своего возраста, но сейчас я делаю именно это. Похоже на то, что Лимон – последний человек, с кем мне доведется познакомиться. Это стоит рукопожатия.

– Ничего так костюмчик, – отзывается он, не отвечая на мой жест.

Я гляжу вниз и вспоминаю, что переоделся. Я подумал, что мама сочла бы темно-синие брюки и пиджак подходящими для такого события – наверное, не менее важного, чем вступление в Национальное Общество Чести¹ (именно по такому случаю мне купили этот неудобный костюм), но теперь я чувствую себя по-дурачки. В коридоре около дюжины других детей, все идут на ужин, и все одеты в джинсы, футболки и свитера – как будто это самый обычный день.

Я единственный нарядился как на похороны. Может, потому, что я единственный, кого будут хоронить.

Лимон тащится по коридору, шаркая ногами; я иду позади, в нескольких шагах от него, теребя свои золотые запонки в виде роботов – подарок от папы. Я бы все отдал, чтобы увидеть его прямо сейчас.

---

¹ Национальное Общество Чести (National Junior Honor Society, NJHS) – специальная организация, объединяющая лучших школьников младшего возраста, отличников и целеустремленных ребят.

Мы выходим наружу, проходим сквозь сад и оказываемся в столовой – или Кафетерии, как ее здесь называют. В Академии Килтер ужинают в большом здании со сводчатыми потолками и окнами, сквозь которые видны волнующиеся поля и далекие горы со снежными вершинами.

– Добро пожаловать! – доносится знакомый голос.

За толпой ребят я вижу Аннику – она машет мне рукой. Она улыбается, но у меня все равно холодеет в животе. Когда толпа смещается вправо, к окошкам, где, судя по всему, выдают еду, я сворачиваю налево и подхожу к столу Анники. Он длиннее прочих и стоит в центре зала.

– Привет, – говорю я, поравнявшись с ней.

– Симус! – она широко улыбается. – Как ты? Тебе все нравится?

– Все замечательно, – отвечаю я, думая, что это очень мило с ее стороны – все еще беспокоиться об этом. – Я просто...

– Погоди-ка. – Парень, который сидит рядом с Анникой за столом, касается ее руки. – Это он?

– Симус Хинкль? – спрашивает девушка по другую руку от него.

– Тот самый Симус Хинкль? – повторяет парень, как будто я могу быть собственным клоном.

Все взрослые за столом мигом прекращают есть и разговаривать. Они обмениваются понимающими взглядами. Кто-то улыбается. Остальные, кажется, изучают меня – может, пытаются отыскать в моей преступной натуре проблески че-

ловечности.

Я опускаю глаза; мое лицо пышет жаром сильнее, чем духовка леди Лоррэйн. Они знают, что я сделал. Удивляться в принципе нечему, но я все равно надеялся, что эта темная история останется между мной и Анникой. По крайней мере, до тех пор, пока я не потеряю навсегда способность прислушиваться к сплетням.

– Слушайте все, – объявляет Анника. – Я рада представить вам того самого Симуса Хинкля. Нашего нового студента, подающего очень большие надежды.

Я резко вскидываю голову.

– Симус, познакомься со своими учителями. Это Гарольд, Ферн, Уайетт, Самара, Дэвин, Лиззи и мистер Громер.

Мистер Громер – единственный, кого она не назвала по имени. Он также единственный, кто заинтересован ужином больше, чем моей персоной. Он бегло смеривает меня взглядом и возвращается к своему чизбургеру.

– Приятно познакомиться, – говорю я. Я не знаю, что происходит, но уверен, что мама хотела бы, чтобы я оставался вежливым до самого конца.

– Нам тоже, – отвечает Уайетт. – Честное слово.

– Не обращай внимания, они слегка взволнованы, – говорит Анника.

– Слегка? – удивляется Ферн.

– Это уникальный случай, – объясняет Анника. – Обычно мы перестаем принимать заявления за шесть месяцев до на-

чала учебного года и выносим окончательное решение о зачислении через три месяца. Без исключений. Но сейчас прошел уже месяц с начала занятий... и тут мы решили принять тебя.

– Хотя у нас и так полно учеников, – замечает Дэвин.

– Яблоку негде упасть, – поддакивает Лиззи.

Они ухмыляются. Я стискиваю кулаки, чтобы удержаться и не закрыть лицо руками. Откуда-то из глубины к горлу подкатывает одно-единственное слово. Когда оно добирается до моего рта, я крепко сжимаю губы – словно мой последний ужин перед настоящим последним ужином грозитя вырваться наружу.

Я смотрю Аннике в глаза. Они мерцают в свете свечей.

– Почему? – выдавливаю я.

– Потому что у нас наконец появилась веская причина сделать исключение. – Она склоняется ко мне и понижает голос, так что ее слышу только я: – Ты, Симус Хинкль... самый первый убийца в Академии Килтер.

На секунду все вокруг застилает белая пелена. В зале воцаряется молчание. Я думаю, что уже умер – от какого-нибудь быстродействующего яда, который мне только что вколола Анника, или от такого сильного сердечного приступа, что он убил меня, прежде чем я успел это почувствовать, – но мир постепенно снова приобретает краски. Разговоры возобновляются.

Это была просто реакция моего тела на то ужасное слово.

– Завтрак? – шепчу я.

Анника задирает голову. Приставляет ладонь к уху:

– Прости, что?

Я сглатываю. Делаю еще одну попытку:

– Завтра будет завтрак? У меня?

Анника смеется. Учителя смеются. Не смеюсь только я – и мистер Громер.

– Конечно, будет, – говорит она. – Завтрак, обед, ужин. Десерт. И ночью будет что пожевать. Завтра у тебя будет все, что захочешь, и послезавтра, и в любой другой день.

Я должен почувствовать облегчение. Судя по всему, в ближайшее время я не умру. Но меня все равно трясет – из-за жуткого слова на букву «у» и из-за того, что учителям, кажется, на него наплевать.

Анника тянется ко мне и сжимает мою руку:

– У тебя был трудный день. Поужинай и иди отдохни. Завтра ты во всем разберешься.

– Хорошо, – говорю я, разворачиваясь. – Ладно.

– О, и еще, Симус!

Я поворачиваюсь обратно. Учителя переговариваются друг с другом, и Анника жестом приглашает меня подойти поближе. Она протягивает мне что-то, что напоминает увесистый мобильный телефон. На маленьком экране мелькают строчки. Она прокручивает их слишком быстро, и я не успеваю ничего прочесть, но вижу, что текста очень много.

– Ты когда-нибудь вел дневник? – тихо спрашивает она.

– Что? Нет.

Все знают, что дневники – это для девчонок.

– Это удобно. Если тебе вдруг станет грустно или тревожно и не с кем будет поговорить, он поможет тебе описать твои чувства и разобраться в них. Мне, по крайней мере, всегда помогает.

Мне в голову сразу же приходят два вопроса. Первый: что может заставить Аннику, которая способна при желании перевоплотиться в бравого сержанта, грустить или тревожиться? И второй: зачем она мне обо всем этом говорит? Прежде чем я успеваю решить, стоит ли задать хоть один из этих вопросов, Анника берется за вилку.

– Приятного аппетита! – улыбается она.

Я все еще в недоумении, но разговор окончен. Поэтому я разворачиваюсь и начинаю пробираться сквозь битком набитый Кафетерий. Когда я дохожу до окошек с едой, голосов учителей уже не слышно.

– Привет-привет, – говорит парень за стеклом, когда я подхожу к стойке. На нем ярко-красная футболка с надписью «Кафетерий Килтер» и бейсболка. На серебристой бирке большими буквами выгравировано имя – Хью. – Клевый прикид.

– Спасибо, – благодарю я.

– Имя у тебя есть?

Я отвечаю не сразу.

– Симус Хинкль.

Если до Хью и долетали новости о новом перспективном студенте Академии Килтер, то он не подает вида. Все с тем же выражением лица он несколько раз нажимает на тонкий сенсорный экран.

– Рыбные палочки. Хрустящие. С майонезом и медо-горчичным соусом. Так?

Я открываю рот, чтобы согласиться, и вдруг стойка опрокидывается и исчезает. Передо мной появляется блестящий серебряный поднос. Его круглая крышка так сияет, что в отражении я могу увидеть капли пота на собственной шее.

– Приятного аппетита, – бросает Хью.

Я благодарю его, беру поднос и оглядываюсь в поисках свободного места. Замечаю Лимона: он, прихлебывая, ест хлопья и не отрывает взгляда от эпизода «Южного парка», который транслируется на плоском экранчике с обратной стороны подноса. Я бы подсел к нему, но все стулья рядом уже заняты. Вообще все стулья заняты – кроме тех, что стоят в дальнем правом углу зала. Что и неудивительно: вместо телевизоров их окружают книжные шкафы. Я решаю, что мне не помешало бы побыть наедине с собой и хорошенько все обдумать, и направляюсь туда.

Усевшись, я ставлю поднос на колени и приподнимаю крышку.

– Ух ты! – не удерживаюсь я. Рыбные палочки просто громадные – каждая из них стоит пяти палочек леди Лоррэйн. Они не оранжевые, а золотистые. И когда я нажимаю на них

вилкой, корочка с хрустом лопается, но сами палочки не сразу распадаются пополам.

Я впечатлен, но все еще настроен скептически: я никогда не пробовал ничего лучше палочек леди Лоррэйн. Я отламываю кусочек, макаю сначала в майонез, потом в медово-горчичный соус и отправляю в рот.

– Ух ты! – снова восклицаю я, хотя с набитым ртом получается что-то вроде «ушты».

Палочки так восхитительны, что заставляют меня забыть, почему я здесь оказался. Когда я все доедаю, мой взгляд падает на серебристую кнопку в нижнем правом углу подноса. Рядом с ней затейливым шрифтом вырезана надпись «Секунды».

Я оглядываюсь, как будто за мной следят и ждут, что я сделаю неверный шаг, поддамся искушению и захочу получить больше, чем заслуживаю.

И за мной действительно следят. Когда я сюда усаживался, рядом никого не было, но теперь через два стула от меня сидит девочка. У нее бледная кожа, розовый нос и темно-рыжие волосы, кое-как заплетенные в косу, которая свешивается ей на плечо. На девочке мешковатый зеленый свитер, кеды и те самые девчачьи трусы – слишком короткие, чтобы называться шортами, и слишком длинные, чтобы быть настоящими трусами. Она сидит одна, как и я.

– Чего ты хотел? – спрашивает она.

По крайней мере, мне кажется, что она говорит именно

это. Меня слишком отвлекают ее глаза – красновато-коричневые, как потертые пенни.

– Прости, что? – переспрашиваю я.

– От Анники. Ты подошел к ней и хотел что-то спросить, верно? И она начала говорить, прежде чем ты успел открыть рот?

Я пытаюсь что-то ответить, но слова не идут.

– Я не слышала, что она сказала, если тебя это волнует.

Именно это меня и волнует. С чего бы мне верить этой девчонке? Что, если она все слышала и теперь растрезвонит на всю школу? С другой стороны, если бы она действительно что-то слышала, разве она подсела бы ко мне? Разве ей не хотелось бы держаться от меня как можно дальше?

Она все еще ждет ответа. Я опускаю глаза и провожу пальцем по надписи «Секунды», пытаюсь собраться с мыслями.

– Стирка, – наконец отвечаю я. – Я спрашивал, должны ли мы сами стирать или...

Я поднимаю голову и замолкаю.

Девчонка исчезла.

Я весь вспыхиваю от смущения, тянусь к стакану с водой и бросаю взгляд на рукава пиджака.

И вижу, что мои запонки в форме роботов тоже исчезли.

Глава 5

Мне больше не хочется отвечать на неудобные вопросы, поэтому весь остаток дня я читаю комиксы у себя в комнате. В какой-то момент я замечаю, что сквозь шторы пробивается солнечный свет. По подбородку у меня стекает слюна. Лимон стоит возле стола и держит сковородку над полыхающей мусорной корзиной.

Я мгновенно пробуждаюсь и сажусь на кровати. Отодвигаюсь подальше. Таращусь на огонь.

– Спокойно, – говорит Лимон. – Этот под контролем.

Этот? В отличие от других, которые были не под контролем?

– Урок начнется через десять минут, – добавляет он.

– Какой урок? – выдавливаю я.

– Расписание у тебя на Килтер-планшете. Он на твоём столе.

Я ещё секунду смотрю на огонь, потом скатываюсь с кровати и беру со стола предмет, похожий на огромный айфон. Он напоминает ту штуку, что была в руках у Анники вчера за ужином. Устройство сразу же включается, и на экране мерцают шесть слов, написанных синими буквами:

«Синус Хинкль, первый год, первый семестр».

– Он может распознать тебя по любой части тела, – замечает Лимон.

– Что-то вроде считывания отпечатков пальцев? – спрашиваю я, глядя, как синие буквы гаснут.

Лимон вытаскивает собственный Килтер-планшет из кармана джинсов. Показывает мне темный экран, потом кладет устройство на пол и нажимает на него пальцем ноги. На экране загораются шесть синих слов:

«Лимон Оливер, первый год, первый семестр».

– Тебя на самом деле зовут Лимон? – спрашиваю я.

Лимон не отвечает. Он поднимает с пола планшет и возвращается к горячей мусорной корзине, которая теперь снова под контролем. На столе у него лежат пачка яиц и пакет с хлебом, оба открытые.

Пока он готовит, я возжусь с мини-компьютером. Дотрагиваюсь до вращающегося конверта с подписью «K-mail», и на экране высвечивается около дюжины непрочитанных сообщений. Я открываю то, у которого в теме указано «Хинкль С., расписание».

– Биология? – читаю я. – Математика? Изобразительное искусство?

Эти предметы не сильно отличаются от тех, что я проходил в средней школе Клаудвью.

Мое сердце падает – но через мгновение начинает радостно биться. Значит ли это, что я вернусь в Клаудвью? И все эти предметы помещены в расписание затем, чтобы я не сильно отстал?

Эта мысль так приободряет меня, что я даже выуживаю из

сумки чистую футболку и джинсы и переодеваюсь. Костюм я вешаю в шкаф, чтобы он не помялся еще сильнее, – на случай, если мне когда-нибудь снова придется его надеть.

Я расправляю на вешалке белую рубашку и тут вспоминаю о запонках-роботах. Их до сих пор нет. Я спрашивал у работников Кафетерия, не попадались ли они им на глаза, но они не попадались. Ума не приложу, как я ухитрился их потерять, – я теребил их за несколько минут до их исчезновения и после этого даже не ерзал на стуле.

Закончив с готовкой, Лимон несет мусорную корзину в ванную и включает воду. Я бросаюсь к телефону и нажимаю на «ВЫЗОВ».

– Горячая линия для горячих голов, – говорит женский голос. Кажется, тот же самый, что и вчера.

– Привет, я звоню, чтобы сообщить о... – я замолкаю. О чем я хочу сообщить? – Ну, у меня есть... то есть были... такие запонки. Мне их папа подарил на день рождения, и я вчера их надел на ужин, а потом они исчезли.

– Исчезли.

– Да.

– Ты смотрел на них, а в следующую секунду они растворились в воздухе? Прямо у тебя на глазах?

Я понимаю, что это прозвучит по-дурацки, но говорю:

– Примерно так.

– Значит, ты думаешь, что их кто-то украл?

– Что? Нет, я...

– Ты хочешь сообщить о краже?

В ванной теперь тихо. Боясь, как бы Лимон не услышал, я прижимаю трубку ко рту, заслоняю ее рукой и понижаю голос.

– Я не знаю, что именно случилось, я просто...

– Симус Хинкль, – громко говорит женщина, как будто диктует мое имя кому-то, кто сидит с ней в одной комнате. – Стукачество первой степени!

Слышится щелчок, и она отключается.

Лимон возвращается в комнату с дымящейся мусоркой. Он кидает поверх черной мокрой кучи пустую одноразовую тарелку, берет со стула рюкзак и засовывает ноги в мокасины.

– Увидимся.

– погоди! – Я кладу телефон на место и мечусь по комнате, хватая кроссовки, планшет, тетрадку и ручку. К тому времени, как я запираю за собой дверь, Лимон уже заворачивает за угол. – Я с тобой!

Он не останавливается, но замедляет шаг. Я нагоняю его, и мы вместе выходим из корпуса во внутренний двор. Мы не разговариваем, и я этому только рад – я наслаждаюсь неожиданно выпавшей мне возможностью снова дышать свежим воздухом, слушать пение птиц и наслаждаться красками осени. Листья всегда такие красивые? Надо будет спросить у мамы.

– Ты связывался с родителями с тех пор, как сюда попал? –

спрашиваю я. Мы заходим в трехэтажное здание. Своими гладкими деревянными стенами оно напоминает мне домик для лыжников где-нибудь в горах.

– Не-а, – отвечает Лимон.

Это все, что он успевает сказать, прежде чем войти в класс. Я следую за ним. Лимон шаркающей походкой проходит мимо парт и устраивается на диване в глубине комнаты, а я выбираю себе место во втором ряду. Я бы сел на первый ряд, чтобы произвести на учителя хорошее впечатление, но там больше никто не сидит, и мне не хочется выделяться.

В класс заходят другие ребята. Большинство из них – мои ровесники, есть несколько человек на пару лет помладше. Они занимают свои места и выкладывают на стол ручки и тетрадки. Мне интересно, что натворили все эти ребята, прежде чем сюда попасть.

Согласно расписанию, урок должен начаться ровно в девять. Я наблюдаю за секундной стрелкой на часах, висящих над дверью. В восемь часов пятьдесят девять минут мой пульс убыстряется. В восемь часов пятьдесят девять минут тридцать секунд к лицу приливает кровь. В восемь часов пятьдесят девять минут пятьдесят пять секунд я вытираю рукавом пот со лба.

Когда секундная стрелка приближается к двенадцати, я сжимаюсь в ожидании пронзительного звонка. Сейчас строгий учитель должен рывком распахнуть дверь и войти в класс. Так начинается день с мистером Карлтоном, нашим

учителем в Клаудвью, – а он в ответе за самых обычных, довольно послушных детей. Как знать, насколько суровым окажется учитель в школе для трудных подростков? Может, он будет кричать на нас? Или задаст нам домашнее задание, над которым придется сидеть всю ночь? Или...

Дверь открывается. Я задерживаю дыхание, но звонка нет. Нет и строгого сердитого учителя. Вместо него я вижу высокого парня, который выглядит так, будто только что проснулся.

– Привет! – говорит он.

Я думаю, что сейчас он сядет вместе с нами за парту, но он подходит к доске, плюхается в кресло и зевает. Я вспоминаю, что Анника вчера мне его представляла, – кажется, его зовут Гарольд. На нем линялые джинсы, оранжевая футболка с двумя скрещенными кулаками и летные очки. Светло-русые волосы достают до плеч; они все перепутались, словно он целую неделю их не расчесывал.

Не снимая очков, он водружает на стол спортивную сумку и копается в ней. Когда он извлекает на свет плюшевого единорога, позади меня раздается стон.

– Как вам это удалось? – спрашивает какая-то девочка. – Я же так хорошо его спрятала!

– Видимо, недостаточно хорошо. – Гарольд замахивается и бросает единорога. Он приземляется перед девчонкой с короткими светлыми волосами. – Десять штрафных очков Гудини, Гэбстер – ноль.

Следом он вытаскивает из сумки комикс.

– «Бетти и Вероника», двойной выпуск? Даже не знаю, стоит ли это возвращать! – Легким движением руки он запускает журнал в воздух, и тот ложится на стол перед мальчиком с торчащими черными волосами, который хлопает себя журналом по лбу. – Еще десять очков мистеру волшебнику, Эйбу – ничего.

Он достает из сумки айпод, связку ключей и свитер. Фрибси, игрушку-пружинку и скакалку. Продолговатая зажигалка в виде спички достается Лимону. Ребята улыбаются и хмурятся: они рады, что получили свои вещи обратно, но раздосадованы тем, что перед этим их лишились. Я пытаюсь понять, что происходит; тем временем Гарольд, который, судя по всему, любит, когда его называют Гудини, вытягивает из сумки зеленую ленту. Он зажимает пальцами один конец и поднимает ленту.

– Элино́р-Элино́р. – Он качает головой. Я поворачиваюсь на стуле и вижу, как по проходу идет девочка с рыжими волосами и глазами медного цвета. – Совсем не так трудно, как я надеялся, – говорит ей Гудини.

Она берет ленту и возвращается на место. Когда она проходит мимо меня, я пытаюсь ей улыбнуться, но она не замечает – она завязывает на голове аккуратный зеленый бант, глядя прямо перед собой.

Гудини хлопает в ладоши. Я подпрыгиваю, оборачиваюсь и вижу, что он сдвинул очки на затылок... и смотрит прямо

на меня.

– Эгей, Хинкль. – Он ухмыляется.

Я оглядываюсь – как будто за мной может сидеть мой клон.

– Новенький растерялся. Кто-нибудь объяснит ему, что происходит?

Все оборачиваются и смотрят на меня. Я сползаю на стуле.

– Никому не нужна золотая звездочка, да? – хмыкает Гудини. – Что ж, логично. Я...

– Гудини украл наши вещи.

Я снова оборачиваюсь. На этот раз Элинор глядит на меня.

– Так надо для занятий, – продолжает она. – Он каждую неделю старается незаметно стянуть что-нибудь из наших вещей. Когда ему это удастся, он получается штрафные очки. Когда не удастся – очки получаем мы.

Новенький теперь растерялся еще сильнее.

– Но я думал, это урок математики, – бормочу я.

– Да, это он, – кивает Элинор. – В нашей Академии на уроках математики мы отнимаем и складываем чужие вещи.

– Поберегись!

Я успеваю увидеть, как Гудини бросает мне две маленькие блестящие штучки.

– Первое правило Академии Килтер: не наряжайся, чтобы произвести впечатление, – говорит он. – Есть более важные вещи, чем то, подходят ли твои носки к ботинкам – или за-

понки к скучной рубашке, если уж на то пошло.

С бешено бьющимся сердцем я хватаю запонки и засовываю в карманы джинсов.

– Кто хочет рассказать о втором правиле? – спрашивает Гудини.

Все молчат. Потом Элинор произносит:

– Получай как можно больше штрафных очков и как можно меньше золотых звездочек. Это у нас вместо оценок. Штрафные очки – пятерки, звездочки – единицы.

Интересно, а что насчет троек и четверок? Должно же быть что-то между штрафными очками и золотыми звездочками? Серые треугольники, к примеру...

И что это за безумная система, при которой штрафные очки считаются чем-то хорошим?

– Третье правило? – подсказывает Гудини.

– Надо ходить на уроки, – продолжает Элинор. – У нас шесть уроков в день, с понедельника по пятницу. Три утром и три вечером. Время от времени нам читают лекции по истории – мы узнаем об этом по K-mail. Когда ты не на уроке, тебе надо выполнять задания, заниматься и развлекаться.

– В твоём распоряжении масса разных вещей, и все бесплатно, – добавляет Гудини. – Телевизор, кино, компьютерные игры – все что угодно. Просто нажми на иконку с праздничным колпаком на своем планшете и выбирай из списка. И кстати, о развлечениях: как звучит четвертое правило?

– Тебе надо подловить всех учителей, – говорит Элинор.

– Подловить? – спрашиваю я, пораженный. – В каком смысле?

– Преподаватели Академии Килтер, включая твоего покорного слугу, – объясняет Гудини, – научат тебя навыкам, которые пригодятся, чтобы пугать и удивлять взрослых и доставлять им другие неприятности. Чтобы перейти на следующий уровень обучения, ты должен к концу семестра использовать эти навыки и удивить и напугать своих учителей или доставить им другие неприятности. Ты можешь делать это в любом месте и в любое время. Единственное ограничение: ты должен подловить каждого преподавателя именно с помощью того навыка, которому он тебя обучил.

– То есть чтобы подловить вас, – медленно говорю я, стараясь все это осмыслить, – мне надо будет что-нибудь у вас украсть?

– Так, чтобы я не заметил, – ухмыляется Гудини. – Желаю удачи. Я почти такой же крепкий орешек, как мистер Громер.

Мистер Громер. Самый старший учитель за вчерашним столом.

– А что он ведет? – интересуюсь я.

– Он историк. Почти не отходит от Анники, так что подловить его очень трудно. Фактически это единственный преподаватель, которого разрешается доставать любыми способами – и которого не обязательно подловить, чтобы перейти на следующий уровень.

– Это не значит, что ты не можешь попробовать, – подает голос мальчишка с другого конца класса.

– Но это значит, что у тебя вряд ли получится. Если по какой-то загадочной причине ты все-таки в этом преуспеешь, то получишь дополнительные кредиты – и огромное уважение со стороны всей Академии. – Гудини кивает Элиноর. – Последнее правило?

– Правил больше нет, – говорит она.

– Есть вопросы?

– Ага, – говорит парень с задней парты. – Мы все это уже знаем и сегодня должны были учиться тому, как стянуть конфеты с кассы в супермаркете. Зачем тратить столько времени на новенького?

Гудини бросает на него взгляд.

– Потому что...

– У меня есть вопрос.

Гудини забывает о мальчишке с задней парты и улыбается:

– Прекрасно. Задавай, Хинкль.

Мне просто хотелось остановить его, чтобы он не рассказывал всем то, что я услышал вчера ночью от Анники – что я первый убийца в Академии Килтер, – и теперь мне надо выбрать один из миллиона вопросов, которые вертятся у меня в голове.

– Мы можем звонить родителям?

Класс наполняется стонами и хихиканьем. Видимо, это

был неудачный выбор.

– Конечно, – говорит Гудини. – Но разве кому-нибудь хочется?

Я поднимаю руку. Хихиканье становится еще громче, я оглядываюсь, вижу, что никто не последовал моему примеру, и опускаю ее.

– Не волнуйся, Хинкль. Я все понимаю. Твои родители думают, что отдали тебя в суровое исправительное учреждение, и ты хочешь им сообщить, что они ошибаются. Но я гарантирую, что если ты пробудешь тут некоторое время, то предпочтешь не выдавать этот маленький секрет. И даже если ты когда-нибудь проболтаешься, не забывай, кто тебя сюда отправил. – Гудини откидывается в кресле и кладет ноги на стол. – Кому поверят твои родители? Взрослым, которым они отдали тебя на воспитание, чтобы из тебя сделали образцового гражданина? Или своему трудному ребенку, с которым они отчаялись справиться?

Он делает паузу, чтобы я как следует все осмыслил. Я понимаю, что это займет больше времени, чем он ожидает, и быстро задаю следующий вопрос:

– Но если это не исправительное учреждение... тогда что это?

Гудини опускает ноги на пол, наклоняется вперед и смотрит мне прямо в глаза:

– Всемирно известный секретный учебный центр.

Я стараюсь отвести взгляд, но не могу.

– Академия Килтер для трудных подростков не принимает всех подряд, – продолжает он. – Каждый семестр в приемную комиссию приходят тысячи заявлений, и мы принимаем только тридцать. Отбор основан на ряде критериев, главный из которых – природная склонность ученика к плохому поведению.

– Вроде того, за которое нас обычно наказывают?

– Именно.

– Но здесь нас не учат вести себя хорошо?

– Ни в коем случае.

Я пытаюсь сам разрешить эту загадку, но ничего не выходит.

– Тогда чему же нас учат?

Гудини ухмыляется до ушей и становится еще моложе на вид.

– Вас учат, – отвечает он, – быть профессиональными хулиганами.

Глава 6

После урока Гудини спрашивает, есть ли желающие показать мне нечто под названием «Кладовая». Никто не спешит воспользоваться шансом, и я вызываюсь показать Кладовую самому себе. В конце концов, чем больше времени я провожу в одиночестве, тем меньше у меня возникает вопросов. Но Гудини запускает куском мела в Лимона, выдергивая того из полудремы, и говорит, что, как бы сильно Лимон ни хотел одиноко почить в неизвестности, ему придется стать для меня лучшим соседом по комнате, какого только можно вообразить.

Мне лично кажется, что идеальный сосед должен иногда поддерживать разговор, но у Лимона, похоже, другое мнение на сей счет. Мы идем молча, пока я наконец не решаюсь задать вопрос, который мучает меня с того самого момента, как Гудини рассказал, чему нас учат:

– Что все-таки значит быть профессиональным хулиганом?

Лимон и ухом не ведет.

– В смысле, я знаю, кто такие обычные хулиганы, – поясняю я, представляя себе Бартоломею Джона. – Ну, или думаю, что знаю. Но чем он отличается от профессионального? Нам что, платить будут?

– Какая разница? Хулиганить прикольно. Этого достаточ-

но.

Этого достаточно. Отлично. Никаких проблем.

– Кстати, – добавляет Лимон, – ты уже тринадцатый.

– Тринадцатый кто?

– Сосед по комнате.

– Круто, – киваю я и добавляю: – Но ты здесь всего месяц, разве нет?

Молчание.

– То есть ты меняешь по три соседа за неделю?

– Двенадцать за одну неделю. Девять первокурсников, таких же, как мы, один второкурсник, один третьекурсник и один четверокурсник. Их всех смущало мое хобби, и больше не нашлось никого, кто хотел бы ко мне подселиться. До вчерашнего дня я двадцать один день жил без соседа.

У меня падает сердце.

– Сочувствую. Но наверное, это здорово – иметь собственную комнату.

Он пожимает плечами:

– Скоро я снова останусь в ней один. Если только они не были правы насчет тебя.

– Это ты о чем? – Я изо всех сил стараюсь, чтобы мой голос звучал непринужденно.

– Я не знаю, что там у тебя за история. – Он останавливается перед стеклянной дверью, поворачивается ко мне и приподнимает лохматую бровь. – Но я знаю, что если они тебя ко мне подселили, то считают, что огонь тебе нипочем.

Он заходит внутрь. Мне приходится немного подождать, чтобы унять дрожь в ногах; потом я следую за ним.

– Добро пожаловать в Кладовую! Пожалуйста, положите одну руку на панель.

Прямо за дверью находится серебристый турникет. Рядом с ним стойка, на которой лежит тонкая прозрачная коробочка. Слева от стойки располагается длинный прилавок, из-за которого мне улыбается сотрудник Академии. Судя по бирке на красной рубашке, его зовут Мартин.

– Руку на панель, – повторяет Мартин. – Иначе не получится зайти.

Он кивает на прозрачную коробочку. У меня внутри все сжимается. Мне не хочется тянуть время и раздражать Лимона, но я боюсь, что нечаянно запущу сигнализацию, какую-нибудь сирену или – еще того хуже – сделаю так, что с потока посыплются конфетти, а рядом появится духовой оркестр и заиграет марш в мою честь. Учитывая, как высоко Анника ставит убийц, такой прием вполне возможен.

– Что, потратить впустую целый час на уроке тебе кажется мало?

Я оборачиваюсь. Позади меня стоит мальчик с торчащими черными волосами. За ним – девочка, у которой Гудини украл плюшевого единорога. А за ней – четверо хулиганов постарше. Все они выжидающе смотрят на меня.

– Простите, – говорю я. – Я тут раньше никогда не был.

– Мы в курсе. – Мальчик – кажется, Гудини называл его

Эйбом – закатывает глаза. – Это не бином Ньютона. Положи руку на панель и жди, пока турникет запикает.

Я бы лучше пропустил его вперед и попытался протиснуться через турникет вслед за ним, но Мартин смотрит на нас. Тем временем сзади подходят все новые хулиганы, и хвост очереди уже вылезает за дверь. Некогда думать о том, как еще потянуть время, и я поворачиваюсь обратно, закрываю глаза... и кладу правую руку на панель.

Коробочка шевелится. Я распахиваю глаза, пытаюсь поднять руку, но пальцы приросли к панели, как магнетики к холодильнику. Коробочка – которая, как я теперь вижу, представляет собой экран компьютера, – наклоняется на сорок пять градусов, и прямо над моими пальцами появляется бегущая строка.

«Добро пожаловать, Симус Хинкль! У вас... 20 кредитов!»

Эйб фыркает. Девочка с единорогом хихикает. Мартин говорит:

– Все с чего-нибудь начинают. Если слухи о тебе правдивы, то скоро ты сможешь купить самолет Килтер.

Смешки затихают.

– Это стоит пятьдесят тысяч кредитов, – замечает Эйб. – Самое дорогое, что есть в Кладовой.

– Знаю, – кивает Мартин и подмигивает мне.

Турникет пикает. Я вваливаюсь внутрь, чуть не сметая выставленные перед входом коктейльные трубочки и горку ша-

риков из жеваной бумаги.

Желая поскорее оторваться от одноклассников, я бросаюсь в первый же проход. Стены здесь увешаны всей амуницией, о которой только может мечтать хулиган. Пневматические винтовки и ружья для пейнтбола. Луки со стрелами. Водяные пистолеты и пистолеты, стреляющие ледышками. Воздушные шарики, которые выглядят как безобидные подарки на день рождения, однако их название – гидробомбы – заставляет подозревать, что их можно использовать не в таких невинных целях.

Ничего похожего на мое оружие здесь нет, но все это все равно заставляет меня вспомнить о мисс Парципанни. Я убыстряю шаг и тороплюсь выбраться из этого коридора.

Побродив по другим проходам, я наконец нахожу Лимона в дальнем конце магазина. Он стоит перед стеной, на которой написано «Худший кошмар пожарного». Я подхожу поближе и вижу, что для пожарного худший кошмар – это спички и зажигалки. Щепки и рваные газеты. Канистры с бензином. Огнеупорные маски и костюмы.

И та штука, на которую Лимон уставился, словно на маятник часов: Килтерский детектор дыма с автоматической системой пожаротушения. Серебристый диск с дырочками в стеклянном ящике на верхней полке, под самым потолком.

– Хочешь это купить? – спрашиваю я.

– Он стоит две тысячи кредитов.

– А у тебя сколько?

Он поворачивается ко мне и прищуривается.

– У меня минус двадцать, – с готовностью сообщаю я.

Он не улыбается и лишь снова прикрывает сонные глаза.

– Как мне получить больше? – спрашиваю я, чтобы Лимон не подумал, что я все время лезу в чужие дела, как назойливая муха.

Он снова переводит взгляд наверх.

– В неделю ты автоматически получаешь десять. Это вроде карманных денег от родителей, только постель убирать не обязательно. Все остальное ты зарабатываешь хулиганством – при выполнении заданий или по собственной воле – и получаешь благодаря штрафным очкам. Одно штрафное очко – один кредит.

– А золотые звездочки что-нибудь дают?

– Ага. У тебя забирают кредиты. – Он скашивает на меня глаза. – Ты, должно быть, успел совершить что-то чересчур правильное, раз наделал долгов сразу после приезда. Может, позвонил на горячую линию для горячих голов?

У меня замирает сердце.

– Это приносит золотые звездочки?..

– И ставит на уши охрану. Поэтому ученики иногда на это идут. Если на кого-нибудь настучать, можешь помешать ходу соревнований, а это стоит того, чтобы лишиться пары кредитов.

Я пытаюсь осмыслить услышанное; Лимон отводит глаза и продолжает:

– На планшете есть штука под названием «Классный табель Килтер». Там каждый час обновляется информация о твоих штрафных очках и звездочках. Чтобы посмотреть, нажми на дисплей. Иконка с красным яблоком.

Ну, само собой.

– А очки сгорают, когда ты используешь кредиты? – спрашиваю я.

– Нет. Анника не хочет, чтобы из-за своих покупок ты забывал, сколько всего уже успел натворить. Поэтому штрафных очков и звездочек становится только больше. А вот кредитов может стать и больше, и меньше. Чтобы посмотреть, сколько их у тебя, нажми на значок доллара на дисплее. – Он берет с полки коробок спичек. – Чтобы всех нагнать, тебе стоит заняться учителями прямо сейчас.

Перед глазами у меня мелькает мисс Парципанни, летящая на пол. Я трясусь головой, и образ исчезает.

– Ты слышал, что сказал Гудини, – продолжает Лимон. – Когда-нибудь придется начать. За каждого учителя дают сто штрафных очков, так что, если хочешь наверстать упущенное, начать стоит как можно скорее.

– А что, если у меня не получится их подловить? И я не получу очков?

До несчастного случая с яблоком я никогда не хулиганил. И я не сомневаюсь, что провалю все здешние задания.

– Тогда...

– Эй, лимонад!

Лимон отходит от стены, разворачивается и засовывает руки в карманы.

– Абрахам.

Мальчишка с черными торчащими волосами приближается к нам ленивой походкой. Под мышкой у него баллончик с краской, а во рту леденец.

– Что хорошего? Или, точнее, что плохого?

Лимон не отвечает. У меня такое чувство, будто я должен его от чего-то защитить, вот только непонятно, от чего.

– Все мечтаешь о Килтерском детекторе дыма с автоматической системой пожаротушения? – Эйб перекачивает во рту леденец. – Штрафные очки просто так не достаются.

– Тихо вы. – К нам подходит Габи, девочка с единорогом. – Здесь Ферн, и она засмотрелась на резиновые мячики.

Мы поворачиваемся туда, куда кивнула Габи, и видим целую пирамиду резиновых мячей. Здесь есть мячи всех цветов радуги, и все они уложены по размеру. В самом низу – огромные, на которые можно усесться сверху и прыгать. На вершине – крохотные, вроде тех, что продаются в автомате за четверть доллара. Посередине лежат футбольные, баскетбольные и другие мячи; некоторые я вообще никогда в жизни не видел.

Рядом с пирамидой стоит девушка с черными кудрявыми волосами, которые торчат во все стороны, как будто она засунула пальцы в розетку. На ней очки в белой оправе с острыми уголками. Я узнаю ее: Анника вчера ее представляла.

Девушка берет сверху мячик, подносит к уху и трясет.

Лимон подталкивает меня.

– Давай, это твой шанс.

– На что?

– Избавиться от долгов. Рассмеши ее, напугай, заставь упасть в обморок – все что хочешь.

– Как? – спрашиваю я.

– Ферн – учитель физкультуры, – объясняет Габи. – Профессиональный игрок в «вышибалы». Значит...

– ...мне нужно запустить в нее мячом? – заканчиваю я.

– Именно. – Габи улыбается, как будто эта мысль доставляет ей удовольствие.

– Ни за что, – отрезаю я. – Никогда в жизни.

– Восхитительно, – хмыкает Эйб и засовывает леденец за левую щеку. – Продолжай в том же духе. Далеко пойдешь.

Лимон бросает на него быстрый взгляд и подходит ко мне.

– Это проще простого. Она отвлеклась. Вокруг полным-полно детей. Она даже не узнает, кто это сделал.

Она, может, и не узнает. Но я-то буду знать.

– Если это так просто, почему бы вам, ребята, не попробовать самим? – предлагаю я. – Вы здесь дольше, чем я. Вы это заслужили.

– Я подловила ее на прошлой неделе, – отвечает Габи.

– Две недели назад, – говорит Лимон.

– В первый же день, – бросает Эйб и с хрустом разгрызает леденец.

Я пытаюсь придумать еще какую-нибудь отмазку, но не могу. Ферн, кажется, с головой погружена в созерцание пирамиды... но, может, она просто притворяется и ждет, пока какой-нибудь неосторожный хулиган вздумает к ней познакомиться? И тогда она его поймает с поличным?

– В чем дело? – интересуется Эйб. – Никогда не связывался ни с кем вдвое больше тебя ростом?

Перед глазами мелькает кривая ухмылка Бартоломью Джона. Рыбные палочки, утонувшие в молоке. Яблоко, летящее по воздуху. Мисс Парципанни, оседающая на пол.

Я смотрю на Эйба, потом киваю Лимону:

– Я сейчас.

Они стоят плечом к плечу, пока я приближаюсь к пирамиде. Ферн кладет мяч на место и обходит пирамиду, я прячусь за прилавком, где выставлены перья и смола, пригодная для разогревания в микроволновке. Девушка на секунду поднимает голову, и мне кажется, будто наши взгляды встречаются, – в этот момент сердце так бешено стучит у меня в ушах, что заглушает все другие звуки. Но она просто берет сверху бейсбольный мяч и сжимает в руках.

Все еще с колотящимся сердцем, я оглядываюсь в поисках чего-нибудь, чем можно было бы кинуть. Смола и перья сразу отметаются. Карманные фонарики и очки ночного видения – тоже. На расстоянии вытянутой руки находятся только гидробомбы. Они сделаны из резины, и те из них, что наполнены водой, больше похожи на мячи, чем на воздушные

шарики... но я все равно не уверен, что это считается. Я мог бы пройтись по магазину в поисках чего-нибудь более подходящего, но я знаю, что сбегу, поджав хвост, как только пирамида пропадет из виду. А если я попытаюсь взять мяч из этой самой кучи, Ферн может меня заметить.

Стало быть, гидробомбы.

В стеклянном шкафу лежат три штуки. Я беру самую маленькую – размером с теннисный мяч. Она кажется одновременно мягкой и твердой. Судя по картинке возле шкафа, даже самая маленькая гидробомба способна вдребезги разбить стекло с расстояния в шесть метров.

Но я не собираюсь ничего разбивать. Не сегодня.

Все еще укрываясь за столиком с перьями и смолой, я поворачиваю голову и наблюдаю за Ферн. Она, наверное, самый медлительный на свете покупатель. Она сжимает и трясет каждый мяч. Берет по одному в каждую руку, приподнимает и опускает. Стучит по мячам, протирает их краем одежды и смотрит, что получилось. Мама так же выбирает фрукты в магазине, но на это уходит в десять раз меньше времени.

Это продолжается так долго, что я начинаю терять терпение. Ну и что с того, если я останусь в долгах? Что с того, если я не получу штрафных очков? Что важнее – произвести здесь на всех хорошее впечатление или сделать так, чтобы то, что произошло с мисс Парципанни, никогда не повторилось?

Второе. Поэтому я поворачиваюсь. Тянусь к шкафчику,

чтобы положить гидробомбу на место.

– Трусишка, – усмехается Эйб. – По нему сразу видно.

Кальций. Поможет тебе подрасти.

Я поворачиваюсь обратно.

Я промажу. Я брошу... и промажу. По крайней мере никто не скажет, что я не пытался.

На стене позади Ферн висит плакат с улыбающимся мальчишкой, с головы до ног одетым в фирменном стиле Академии Килтер: на нем серая бейсболка, толстовка и спортивные штаны, все это – с серебряным логотипом «АК». Он белобрысый и круглолицый, и, если не присматриваться, он чем-то напоминает Бартоломею Джона. Его лицо отлично подходит в качестве мишени.

Я задерживаю дыхание. Отвожу руку назад. Мысленно рисую дугу, по которой пролетит гидробомба – прямо над головой Ферн, но все же не заденет ее. Я замахиwaюсь и разжимаю пальцы...

...и в этот момент кто-то врывается в меня. Гидробомба вылетает из рук, и я падаю на пол.

Но перед этим я успеваю увидеть, как наполненный водой шарик сшибает баскетбольный мяч посреди резиновой пирамиды. Пирамида взрывается. Дюжины мячей разлетаются во все стороны. Четыре из них задевают Ферн – они ударяют ей в плечо, грудь, живот, а один, когда Ферн поворачивается вокруг своей оси, словно солдатик в компьютерном шутере, врывается в нее сзади. Она падает на пол, и на лице у нее я

замечаю выражение незамутненного удивления.

– Чувак, прости!

Я открываю глаза и вижу хулигана на несколько лет старше себя, склонившегося надо мной. Он зажимает под мышкой радиоуправляемую модель самолета и протягивает мне свободную руку.

– Новая модель. Потерял управление. Ты в порядке?

Я хватаюсь за его руку и сажусь. Сквозь ножки столика с перьями и смолой я вижу, как Ферн встает на колени, протирает глаза и шарит по полу среди прыгающих мячей в поисках своих очков. Пока я размышляю, стоит ли ей помочь, она нащупывает очки и надевает на нос.

На этот раз наши взгляды действительно встречаются.

– Симус! – сияет она и хлопает себя ладонями по бедрам. – Мне следовало этого ожидать!

Это была случайность. Я открываю рот, чтобы все объяснить, но не успеваю я начать, как за спиной оживает и начинает вибрировать рюкзак. Я стаскиваю его, открываю и достаю планшет. Экран мигает красным, и я вижу новое сообщение.

«Поздравляем, Симус Хинкль! После победы над Ферн Нуган вы на 100 штрафных очков ближе к тому, чтобы стать профессиональным хулиганом!»

Глава 7

Штрафных очков: 100

Золотых звездочек: 20

Всякий раз, когда папа чем-то смущен – например, когда мама подает на ужин тофу под видом курицы, или когда DVD-плеер выплевывает диск посреди фильма, или когда мы летом переводим часы, – он говорит: «Я не могу понять, где тут плюс, а где минус!» Другие люди в такой ситуации иногда говорят, что не могут разобраться, где север, а где юг, но папа бухгалтер, поэтому вместо компаса у него математика. Сложение, вычитание, деление и умножение – это его север, юг, запад и восток.

Вечером, лежа в постели, я тоже не могу понять, где тут плюс, а где минус. С одной стороны, вдобавок к сотне штрафных очков я заслужил какое-никакое уважение у своих одноклассников. Когда я вернулся к ним, Лимон улыбнулся, Габи похлопала меня по спине, а Эйб не стал закатывать глаза. В моем незавидном положении мне только врагов не хватало, так что можно сказать, что я достиг прогресса.

С другой стороны, я ударил учительницу. Сшиб ее на пол. Я понимаю, что здесь от учеников ожидают чего-то такого, но после случая с мисс Парципанни я не могу с этим смириться.

И это заставляет меня задаваться очень важным вопросом:

– Зачем?

Лимон лежит в кровати ко мне спиной и показывает на стене фигурки из тени при свете зажигалки. В ответ на свой вопрос я слышу щелчок. Маленький огонек гаснет.

– Что зачем?

Я уже час смотрю на одну и ту же страницу комикса. Теперь я сажусь на кровати и швыряю журнал себе в ноги.

– Зачем мы здесь?

– Потому что дома мы плохо себя вели? И наши родители не знали, как с нами справиться?

Это-то я понимаю.

– Но зачем делать школу для хулиганов? Как мы будем использовать наши умения, когда ее закончим? Какой во всем этом смысл?

Лимон не отвечает. Я начинаю беспокоиться, что задал слишком много вопросов, но он переворачивается на спину. Медленно-медленно. Сначала левая нога соскальзывает с правой и падает на матрас. Потом переворачивается тело, постепенно, сантиметр за сантиметром, пока гравитация не берет свое. Секунду он приходит в себя после этого нечеловеческого усилия, потом глубоко вздыхает и приподнимается на левом локте.

– Гамлет, – говорит он.

Мне не хочется лишний раз испытывать удачу, и я пыта-

юсь расшифровать эту загадку самостоятельно. Но у меня ничего не выходит.

– Что, прости?

– Пьеса. Про принца, который доставал своего дядю, потому что тот убил его отца. Написал тот знаменитый чел, который умер.

– Шекспир. Да, я знаю, я читал. Я просто не понимаю, при чем тут это.

– «Земля, не шли мне снеди, твердь – лучей, – говорит Лимон. – Оскорбленья, чинимые безропотной заслуге».²

Я помню эти строки... но все равно не понимаю, при чем тут Шекспир.

– Это написали давным-давно, – продолжает Лимон. – Так уже сотни лет никто не говорит. Но мы все равно должны это читать.

– И что?

– И что же нам делать со всеми этими устаревшими словами, когда мы закончим школу? – спрашивает Лимон. – Какой толк читать книжку, которая не имеет ничего общего с нашей жизнью?

Я открываю было рот, чтобы объяснить, что, несмотря на архаичный язык, темы любви и мести, поднимаемые в пьесе, относятся к разряду вечных и не устаревают со временем (по крайней мере так в прошлом году говорил наш учитель), но тут же передумываю. Потому что, кажется, я понимаю.

---

² Перевод М. Лозинского.

– В обычной школе нас учат всяким штукам, которые нам вряд ли пригодятся в настоящей жизни. Так? – спрашиваю я.

– Так. Здесь мы хотя бы может делать что хотим и когда хотим. Не знаю, как ты, но я до того, как попасть сюда, постоянно находился под домашним арестом. Никаких друзей, никакого кино, никаких развлечений. Здесь я как на каникулах.

Я задумываюсь. Единственный раз, когда мы с семьей выбирались куда-то на каникулы, – поездка на Ниагарский водопад. Тогда мама насквозь промокла, катаясь на лодке, и жутко простудилась, так что до конца недели мы сидели в маленьком номере мотеля и смотрели по телевизору старые выпуски игры «Колесо Фортуны». По сравнению с этим в Академии – где у меня сколько угодно рыбных палочек, 3D-кино и я могу ложиться спать когда хочу – действительно неплохо.

Но мне-то должно быть плохо. Я это заслужил. После того, что я натворил, мне надо радоваться, что я остался в живых. Но я – больше того – веселюсь и развлекаюсь, и это совсем неправильно.

Однако я не могу сказать это Лимону. По крайней мере напрямую.

– А что насчет твоих родителей? – спрашиваю я. – Тебе не стыдно при мысли о том, что они думают, будто тебя здесь учат хорошо себя вести?

Его грустные карие глаза встречаются с моими, а потом

закрываются. Тело перекачивается к стене, снова поддаваясь силам гравитации, и Лимон ложится на спину и лежит неподвижно.

Это точно был лишний вопрос.

Возле подушки жужжит планшет. Я тянусь за ним и читаю новое сообщение по K-mail.

Кому: shinkle@kilteracademy.org

От кого: annika@kilteracademy.org

Тема: Класс!

Дорогой Симус!

Пишу это небольшое письмо, чтобы поприветствовать тебя и поздравить с сегодняшним успехом в Кладовой. Я никогда не видела, чтобы Ферн так заставляли врасплох.

Твоей карьере в Академии положено блестящее начало. Не терпится увидеть, что будет дальше.

Всего хорошего,
Анника

P. S. Если тебе что-нибудь нужно – все что угодно, – смело проси!

Плюс или минус? Минус или плюс? Я снова запутался. Не знаю, что мне делать – радоваться тому, что Анника довольна, или переживать о том, чем именно она довольна.

Я собираюсь перечитать письмо и найти в нем какие-нибудь скрытые смыслы, которые я пропустил, как вдруг планшет снова жужжит и приходит еще одно сообщение.

Кому: shinkle@kilteracademy.org

От кого: kommissary@kilteracademy.org

Тема: Подловил учителя? Пора за покупками!

Привет, Симус!

Ты заработал 100 штрафных очков за то, что застал врасплох Ферн Нуган. Так держать! Вычитаем из этого 20 золотых звездочек за звонок на горячую линию для горячих голов и получаем... 80 кредитов!

Хорошие новости: теперь ты можешь навести шороху в Кладовой! Плохие новости: тебе придется поторопиться – если ты хочешь заполучить самую горячую новинку. Суперкрутая Килтерогатка из ограниченной серии, которую журнал «Беспредел» назвал «без сомнений, лучшим тренировочным оружием в своем роде», не задержится на прилавке надолго!

Внизу я вижу мигающий значок камеры. Я нажимаю на него, и появляется фотография мальчика с рогаткой. По крайней мере мне кажется, будто это рогатка. Она сделана в форме буквы К, а не буквы У, и мальчик держит ее горизонтально, а не вертикально, но в остальном это такая же рогатка, как те, что я видел по телевизору.

Эта Килтерогатка достанется тебе по льготной цене в 75 кредитов. Так что поторопись купить ее прямо сегодня!

К твоим услугам,
Команда Кладовой

Я хочу удалить сообщение. Может, в Кладовой и найдется что-нибудь, что мне захочется купить, но оружие – настоящее оружие, а не такое, которое было у меня в буфете Клаудвью, – точно не из этих вещей. Я собираюсь было нажать на значок корзины – и тут мне в голову приходит идея. Наверное, самая удачная за все время, пока я здесь, – по крайней мере она способна поднять мне настроение. Она могла бы прийти мне в голову намного раньше – но я был слишком занят: сначала я не умер, потом ходил на занятия, а потом хулиганил.

К-mail в Академии выглядит точно так же, как обычная электронная почта на моем домашнем компьютере. Тут есть папки с входящими письмами, с исходящими и со спамом. Когда набираешь новое сообщение, надо вставить в пустые строки имя получателя и тему. А снизу – большое квадратное поле для письма.

Мама никогда не проверяет свой e-mail, но папа по работе постоянно его смотрит.

Я начинаю набирать сообщение.

Кому: taxmannumerouno@taxmannumerouno.com

От кого: shinkle@kilteracademy.org

Тема: ПРИВЕТ!!!!

Дорогой папа!

Привет! Как дела?? Как мама?? Как вы добрались?
Что нового? Как там моя комната?

Тут все супер! Кормят очень вкусно, одноклассники хорошие. У меня сегодня были первые занятия – в том числе и математика, и я вспомнил о тебе.

Я останавливаюсь. Меня так и подмывает рассказать о том, как здешняя математика не похожа на обычную, но тут я вспоминаю, что нам говорил Гудини насчет разговора с родителями об Академии. Папа, может, мне и поверит, но, прежде чем писать ответ, он посоветуется с мамой. А раз уж это она придумала меня сюда отправить, я сомневаюсь, что она примет мои слова за правду. Если я постараюсь ее убедить, что Килтер – засекреченный тренировочный лагерь для подготовки хулиганов, она может решить, что я специально вру, чтобы ей досадить, заберет меня отсюда и увезет домой. И хотя убийство – это худшее, что может сделать ребенок, ложь, по мнению мамы, недалеко от него ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.